

И.В. Усачева

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: i.usachova@gmail.com

ДОМ И ДОМОХОЗЯЙСТВО У НАСЕЛЕНИЯ СОСНОВООСТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА В ЗАУРАЛЬЕ: МОДЕЛЬ ПРОМЫСЛОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья является апробацией методики исследования информативного потенциала жилищного комплекса с позиции адаптированного к конкретным условиям домохозяйства на примере жилищ сосновоостровской культуры. По итогам работ установлено, что жилища имели стандартно большие размеры (60–125 м²), предполагающие значительную численность домового коллектива, который наиболее вероятно соотносится с домохозяйством в виде большой (расширенной) семьи. Основу существования домохозяйств составляет комплексное хозяйство с приоритетом одного из видов продуктивного природопользования, максимально приспособленного к условиям повышенной влажности. В качестве такового реконструировано заборное рыболовство, обеспечивавшее относительную стабильность жизни и, как следствие, оседлость населения.

Ключевые слова: неолит, жилище, домохозяйство, оседлость, заборное рыболовство, сосновоостровская культура, Зауралье.

Введение

Работ по изучению неолитических жилищ Урало-Сибирского региона, в которых рассматривается их культурная принадлежность, размерность, домостроительные традиции, достаточно много [Старков, 1980; Ковалева, 1989; Косарев, 1991, 1996 и т.д.; Очерки культурогенеза..., 1994; Никитин, 2002; Еньшин, 2014; и др.]. Меньше исследований ориентировано на анализ жилых построек как показателей социально-экономической организации общества, где за жилищами закреплена вполне определенная роль особым образом организованной хозяйственной единицы — домохозяйства [Буров, 1993; Косинская, 1988; 2006; Юдина, 2005; Поселение..., 2006; и др.]. Востребованность темы в условиях Урала, Зауралья и Севера Западной Сибири тем выше, что исследование и реконструкция социально-экономических отношений на уровне полноценной территориальной структуры (поселенческий комплекс), не говоря уже о совокупности хозяйственных построек группы за период годового хозяйственного цикла, пока трудноосуществимы в силу ограниченности исходных данных.

Обзор неолитических жилищ в регионе показывает чрезвычайную вариабельность их размеров: 15–250 м² [Ковалева, 1989; Старков, 1980; Очерки культурогенеза..., 1994; и др.]¹. Тем не менее специальных исследований причинной обусловленности этого явления не проводилось. В какой степени объем дома, а значит, и размер домового коллектива зависят от культурных, хронологических, сезонных, хозяйственных, экологических показателей, данных нет. Высказанная в начале 80-х годов прошлого века идея о связи размерности жилищ с эволюцией домостроения, согласно которой в период развитого неолита в районах лесного Зауралья преобладали жилища мелких размеров (площадью до 30 м²), а в позднем — средних (от 30 до 50 м²) и крупных (от 50 м² и более) [Старков, 1980, с. 182; Очерки культурогенеза..., 1994, с. 247], не подтвердилась. Исследованиями последних десятилетий жилища площадью 100 м² и более были выявлены на памятниках первой половины — середины атлантика как в Приишимье (Мергень 6) [Еньшин, 2014, с. 18], так и в Нижнем Приобье (Юртобор 3, ЮАО 15, Исток 4, VIII пункт и т.д.) [Зах, 1995, с. 13; Дрябина, Хухорова, 2001, с. 89; Стефанова, 1991, с. 134; Усачева, 2001, рис. 1; и др.].

По мнению ряда исследователей, включая автора настоящей статьи, существование в неолите домов разной величины обусловлено комплексом причин, но прежде всего зависит от

¹ Имеются сообщения о существовании еще более крупных неолитических жилищ (до 600 м²) на пос. Чес-Тый Яг в Нижнем Приобье [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 169], но эти данные нуждаются в проверке.

приоритетов хозяйственной деятельности коллективов, для которых эти жилища предназначались [Кольцов, 1985; Буров, 1993, с. 29; Косинская, 1988, с. 17–18; 2006; Усачева, 2015]. Именно специфика хозяйственных занятий, варьирующаяся в зависимости от имеющихся в наличии ресурсов и навыков по их извлечению, хранению и использованию, определяет достаток домового коллектива и диктует размер жилища, тем самым превращая его в индикатор не столько семьи, сколько домохозяйства. Однако, несмотря на появление перспективных методических разработок, в основе которых лежит информация о доме, домовой территории и функционально ориентированных материальных остатках [Косинская и др., 2006, с. 65–67; Косинская 2006], тема продолжает оставаться актуальной. Данная статья продолжает серию публикаций автора, посвященных дому и домохозяйству неолитического населения Зауралья и возможностям его мотивированного изучения на археологических материалах. В первой работе была предложена методика соответствующего исследования, рассмотрена историография вопроса и понятийный аппарат [Усачева, 2014]. Поскольку анализ ориентирован на конкретный культурно-хронологический срез, во второй публикации был обоснован выбор сосновоостровской культуры в качестве объекта исследования, уточнены параметры и хронология культуры [Усачева, 2016]. Текущая работа посвящена апробации методики по исследованию информативного потенциала дома (жилищного комплекса) с позиции адаптированного к конкретным условиям домохозяйства.

Сосновоостровская культура занимает территорию в пограничье лесостепной — южно-таежной зоны бассейна Притоболья (Зауралье) и датируется эпохой позднего неолита (рубежом VI–V — V тыс. cal BC). Среди факторов, обусловивших выбор данной культуры, следует выделить посуду с ярко выраженными индикаторными характеристиками, наличие дат у базовых памятников и наличие достаточной для сравнения выборки раскопанных на разных поселениях жилищ. К этому ряду можно добавить отмеченный исследователями «специфический стереотип каменной индустрии», функционально-типологические характеристики которой дополнены трасологическими заключениями, а также инструментально выверенный гипсометрический уровень расположения большей части исследованных раскопами поселений. Остановимся подробнее на значимых для темы исследования фактах.

Сосновоостровская культура, факты

Поселения и жилища. Изучение гипсометрической ситуации расположения поселений показывает, что памятники с жилищами сосновоостровской культуры приурочены к возвышенным участкам надпойменной террасы [Викторова, 1968; Дрябина, Пархимович, 1991; Зах и др., 2014]. Предпочтение отдается площадкам с высотными отметками 2,0–2,5 м при полном диапазоне от 1,5 до 3,5 м, что на 1–2 м выше гипсометрического уровня расположения жилищ других культур эпохи неолита той же территории (козловско-полуденской, кошкинской, боборыкинской) (см., напр.: [Зах и др., 2014]). Примечателен выбор мест для поселений: на озерах это переймы и/или протоки, на реках — приустьевые мысы вниз по течению принимающей приток реки. В одном случае отмечено островное положение (табл.).

Все сосновоостровские жилища зафиксированы на многослойных памятниках (ЮАО 5, ЮАО 15, VIII пункт и др.) с постройками разной культурно-хронологической принадлежности (до 57 западин от неолита до средневековья на пос. Гилево VIII) [Алексашенко, Викторова, 1991; Дрябина, Пархимович, 1991; Зах и др., 2014]. Многослойный характер памятников в данной ситуации можно рассматривать как свидетельство ресурсоемкости мест, остававшихся привлекательными для людей на протяжении длительного времени, и вместе с тем как неблагоприятный фактор для изучения специфики поселений одного хронологического среза. По этой причине точные размеры сосновоостровских поселков не установлены. Ориентируясь на имеющиеся результаты раскопок, можно предположить одновременное существование 1–3 домов, что достаточно традиционно для поселений лесной зоны с присваивающим типом хозяйства [Кабо, 1986, с. 57; Головнев, 1995, с. 58–60].

Наиболее полно изученным сосновоостровским поселком является поселение VIII пункт, расположенное в системе Андреевских озер Туро-Пышминского междуречья в 200 м от II переймы. Есть все основания полагать, что данный жилой комплекс на памятнике выбран полностью. На поверхности он фиксировался в виде трех однотипных западин, занимавших высокую (2,5–3,0 м) площадку на западном конце протяженной береговой гряды в 50–70 м от воды. Западная впадина была изучена компактным раскопом, наложенным на жилище, восточная половина памятника исследовалась сплошной площадью. Раскопами были вскрыты две полуземлянки,

Дом и домохозяйство у населения сосновоостровской культуры эпохи позднего неолита...

отстоящие на расстоянии 20 м друг от друга, и одна врезанная в край склона открытая постройка, предположительно представлявшая собой летнее жилище [Зах, Матвеева, 1997; Усачева, 2001; Зах и др., 2014, с. 82]. Следы трех жилищ зафиксированы и на пос. Гилево VIII [Дрябина, Пархимович, 1991]. Каких-либо ограждений у населенных пунктов не прослежено, поэтому утверждать одновременное функционирование построек пока преждевременно. Наличие в составе поселения летнего жилища или хозяйственной постройки помимо пос. VIII пункт было зафиксировано также на пос. ЮАО 5 [Алексахенко, Викторова, 1991, с. 181–183], что свидетельствует об ординарности практики сочетания различных типов построек в пределах одного поселения.

В работе учтено 11 исследованных раскопами сосновоостровских жилищ (рис.).

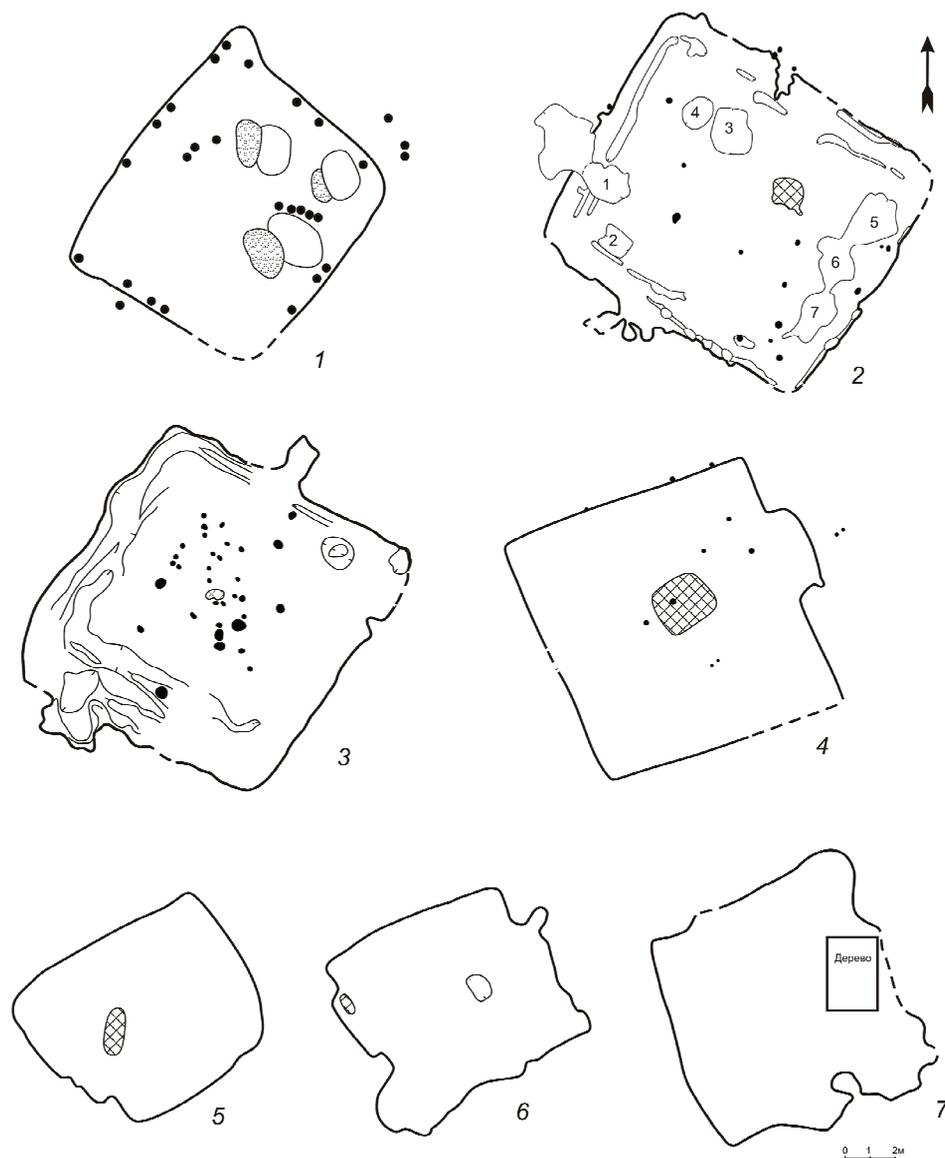

Рис. Жилища сосновоостровской культуры:

1 — пос. VIII пункт, жилище 1; 2 — пос. VIII пункт, жилище 2; 3 — пос. Дуванское V, жилище 2; 4 — пос. Сосновый остров, жилище 2; 5 — пос. Гилево 8, жилище 2; 6 — пос. Гилево 8, жилище 3; 7 — пос. ЮАО 16, жилище 2 (по: [Зах, Матвеева, 1997; Усачева, 2001; Стефанов, 1991; Викторова, 1968; Дрябина, Пархимович, 1991; Дрябина, Захарчук, 1999]).

Fig. Dwellings of Sosnovy Ostrov culture:

1 — VIII punkt, dwelling 1; 2 — VIII punkt, dwelling 2; 3 — Duvanskoe V, dwelling 2; 4 — Sosnovyi Ostrov, dwelling 2; 5 — Gilevo 8, dwelling 2; 6 — Gilevo 8, dwelling 3; 7 — JuAO XVI, dwelling 2.

Жилища представлены полуземлянками подквадратной или подпрямоугольной формы с коридорообразным ступенчатым выходом наружу [Алексашенко, Викторова, 1991; Усачева, 2001; Панфилов, 1993; и др.]. Глубина котлованов варьирует от 0,4 до 1,2 м. Вдоль стен прослежены неширокие слабо углубленные канавки, предположительно связанные с конструкцией жилища, и почти повсеместно — углистые следы от сгоревших плах. В центре построек находился один, в одном случае — два (один над другим) очага открытого типа. Очажные пятна имели вытянутую форму и довольно значительные размеры: от 0,4 до 2,1 м по длинной оси — и мощность до 0,35 м. Внутри и за пределами сооружений зафиксированы хозяйственные ямы, которых, как правило, бывает несколько. Шесть из 11 жилищ несут следы пожара (VIII пункт, жил. 1; Дуванское 5; Сосновый остров; Серебрянка 1, жил. 2 и 3; ЮАО 16).

Все жилища без исключений характеризуются размерами, которые могут быть определены как крупные: 60–126 м² (табл.). Обращает на себя внимание факт, что широко распространенных в неолите лесной зоны Урала и Приуралья жилищ небольшой площади (17–45 м²) (см., напр.: [Буров, 1993; Ковалева, 1989; Никитин, Соловьев, 2002; и др.]) или особо крупных (от 150 м² и выше) на памятниках сосновоостровской культуры не зафиксировано.

Жилища сосновоостровской культуры

Dwellings of Sosnovy Ostrov culture

№	Поселение, № жилища	Локализация	Размеры котлована, м	Площадь, м ²	Примерное число обитателей **	Очаг, размеры, м	Источник
1	VIII пункт, жил. 1 (раскол И.В. Жилиной)	Озеро, перейма	12×10,5	126	36	1 (2,1×1,25×0,4)	Усачева, 2001
2	VIII пункт, жил. 1а (раскол Н.П. Матвеевой)	Озеро, перейма	9,5×10	95	27	?	Зах, Матвеева, 1997
3	Дуванское 5, жил. 2	Приустьевой мыс	11,5×10	115	32	1 (1,0×0,4×0,1–0,45×0,34×0,07)	Стефанов, 1991
4	Сосновый остров, жил. 2	Озеро, остров	10×10,5 *	96 (105 *)	27–30	1 (2,2×2×0,1)	Викторова, 1968
5	Гилево 8, жил. 1	Приустьевой мыс	11(?)×5–7 *	ок. 65	18	Нет	Дрябина, Пархимович, 1991
6	Гилево 8, жил. 2	Приустьевой мыс	8×7,4 *	ок. 50 (60 *)	17	1 (0,8×0,6×0,3)	Дрябина, Пархимович, 1991
7	Гилево 8, жил. 3	Река, приустьевой мыс	7,6×7–8 *	ок. 46 (57 *)	16	1 (0,4×0,3×0,35)	Дрябина, Пархимович, 1991
8	ЮАО 5, жил. 8	Озеро, перейма	9×7,75 *	69,7	20	1 (1,2×0,8×0,3–0,4)	Алексашенко, Викторова, 1991
9	Серебрянка 1, жил. 2	Приустьевой мыс	8,4×7,8 *	ок. 65	18	1+1 (один над др.) (0,8×0,7×0,06–0,1; 0,4×0,32×0,06–0,07)	Панфилов, 1993
10	Серебрянка 1, жил. 3	Приустьевой мыс	8,8×7,3*	64,5	18	1 (1,12×0,46)	Панфилов, 1993
11	ЮАО 16, жил. 2	Приустьевой мыс (?)	9,5×9	85,5 *	24	1	Дрябина, Захарчук, 1999

* Замеры выполнены по плану.

** Из расчета 3,5 м² на 1 чел. (усредненные данные для таежных и северных областей по Л.П. Хлобыстину [1972, с. 31]).

При выборе коэффициента расчета численности из многообразия существующих вариантов — 1:1,8 м — 1:12 м [Кабо, 1986, с. 51; Массон, 1976, с. 112–113; Сидоров, 2008, с. 140, 143; Хлобыстин, 1998, с. 155; и др.] — критериями стали идентичность экологических условий и сходство хозяйственно-культурного типа населения. Этим требованиям, по мнению автора, наиболее отвечают показатели оседлых рыболовов и охотников лесной зоны Сибири, Дальнего Востока и северо-запада Северной Америки (ульчи, нивхи, тлинкиты, хайда и др.), у которых на одного человека приходится примерно 2,5–3,5 м² жилой площади [Хлобыстин, 1972, с. 31; Бузин, 1990, с. 35 и др.].

Размеры жилищ позволяет определить примерную численность проживавших в домах коллективов в 17–36 чел. В реальности эти цифры могли существенно варьировать в зависимости от обстоятельств (периоды стабильности и достатка, экологические катаклизмы, болезни, традиции и т.д.), но тенденция крупных домовых коллективов у сосновоостровского населения прослеживается совершенно отчетливо.

Количество и распределение керамики. Керамические коллекции с поселений, во всяком случае, те, которые автору удалось осмотреть лично (VIII пункт, Гилево 8, Дуванское 5, Сосновый Остров) или о которых удалось найти соответствующую информацию (Серебрянка 1, ЮАО 5, жил. 8

Дом и домохозяйство у населения сосновоостровской культуры эпохи позднего неолита...

[Алексашенко, Викторова, 1991, с. 165, 173–174; Панфилов, 1993, с. 16–18]), отличаются массовостью, редко сопоставимой с таковой на поселениях других неолитических культур этой территории. В распределении материала на памятниках прослеживается определенная закономерность: он одинаково широко представлен как в жилищах, так и за их пределами. Подобное распределение керамики в совокупности с обилием находок указывает на долговременность функционирования жилищ и круглогодичный характер использования, когда не только внутреннее пространство дома, но и вся окружающая территория становится доступной для активной жизнедеятельности.

Каменный инвентарь и документированные им направления деятельности. Представление о хозяйственных занятиях сосновоостровского населения базируется на анализе каменных орудий. Поселения этой культуры отличает характерный по ряду сырьевых и типологических показателей, но в целом типичный для каменного века лесной зоны набор каменного инвентаря [Алексашенко, 1979; Алексашенко, Викторова, 1991, с. 176–181; Асташкин, 1993, с. 58]. Особенностью коллекций считается присутствие изделий архаичного облика — пластин с выемкой, скошенных острий, трапеции, единичных наконечников стрел подтреугольной или листовидной формы и большое количество разнообразных деревообрабатывающих орудий (тесла, долота, стамески, скобели). Трасологический анализ представительных коллекций с поселений Сосновый остров и ЮАО 5 показал разнообразие орудийного комплекса. На инструментах прослежены следы от операций резания, пиления, скобления, строгания, сверления, отесывания, шлифования, заточки и т.д. Сильная степень износа деревообрабатывающих орудий позволила сделать вывод о широком использовании дерева в хозяйстве на крупных объектах типа жилищ [Алексашенко, 1979, с. 38]. Не исключалась возможность использования дерева и для изготовления рыболовных приспособлений. Наличие в коллекциях мясных ножей и сильно сработанных скребков для обработки шкур при отсутствии прямых свидетельств рыболовного промысла привело исследователей к выводу о преобладании у сосновоостровского населения охоты [Там же]. Вывод был поддержан М.Ф. Косаревым, специально подчеркнувшим, что рыболовных грузил в сосновоостровских комплексах не встречено [1981, с. 26], и за населением этой культуры окончательно закрепилось представление как об охотниках.

Дискуссия и обсуждение

Как следует из вышеизложенных фактов, в материалах сосновоостровской культуры удается проследить некоторые закономерности, которые позволяют утверждать наличие приоритетов в размерах жилищ, их расположении и функционировании. Согласно этим приоритетам, поселения всегда располагались в ресурсоемких с позиции экономики присваивающего типа местах, о чем свидетельствует многослойный характер памятников. Для построек выбирались высокие участки террас, на однотипных в топографическом отношении местах — на переях проточных озер и приустьевых мысах, расположенных вниз по течению принимающей приток реки. Судя по обилию находок, как в сооружениях, так и вокруг них, поселки были обитаемы круглогодично и относительно длительно. Данный вывод подтверждается наличием на поселениях наряду с капитальными летних жилищ, а также расположением хозяйственных ям как внутри, так и за пределами построек. Особенный интерес представляет размерный ряд жилищ: все сооружения характеризуются крупными размерами и имеют один очаг в центре.

Отсутствие исключений в приведенном ряде наблюдений ориентирует на их неслучайный характер и позволяет связать с реализацией конкретной системы жизнеобеспечения, выраженной через систему хозяйствования и обеспеченной специфическим набором социально-экономических отношений. Иными словами, у нас появляется исходная фактологическая основа для моделирования ведущей формы хозяйственной деятельности населения и мотивированного ею типа домохозяйства.

По совокупности данных, и прежде всего исходя из круглогодичности функционирования жилищ, образ жизни обитателей можем реконструировать как оседлый. Оседлость обеспечивалась за счет слаженной работы домохозяйств достаточно крупного размера. Численность сосновоостровских домовых коллективов (17–36 чел.) значительно превышает численность простой семьи (3–5 чел.), что позволяет соотнести ее с большой (расширенной) семьей, причем построенной на принципах единоначалия, на что указывает наличие одного очага в доме. Связь очага с семьей не абсолютна, но этнография рассматривает эту связь как тенденцию [Кабо, 1986, с. 52–53; Хлобыстин, 1972, с. 131]. Оседлость в условиях присваивающей экономики, а иных данных для неолита Зауралья у нас нет, позволяет говорить о преобладании в хозяйст-

венных занятиях населения сосновоостровской культуры каких-то продуктивных способов природопользования, позволяющих эффективно использовать имеющиеся ресурсы. В характерных для лесной зоны комплексных типах хозяйств приоритетными являются два направления: охота и рыболовство. Охота на лесного зверя и птицу изначально ориентирована на сезонный промыслово-хозяйственный цикл [Адаев, 2007, с. 97–98], что обеспечивается полукочевым или кочевым образом жизни, а значит, исключает оседлость. Рыболовство относится к более стабильным источникам получения избыточного продукта, а потому чаще приводит к оседлости [Binford, 1968, с. 332; Кабо, 1986, с. 58; Косарев, 1991, с. 68–71; Адаев, 2007, с. 97 и др.]. Подсчитано, что выход озерной биомассы в сравнении с лесной был выше в 8–10 раз. Так, в Васюганье выход биомассы в тайге равен 5–6 кг с 1 га, тогда как в пойменных васюганских озерах он составляет уже 50 кг с 1 га. А при запорном рыболовстве выход озерной биомассы еще больше [Киришин, Малолетко, 1979, с. 127]. В лесной зоне Евразии трансформацию рыболовства в круглогодичное продуктивное связывают с появлением сетей и крупных стационарных рыболовных сооружений (запоры, ловушки) [Эверестов, 1988; Жилин, 2004]. Важнейшим условием прочной оседлости, помимо навыков, позволяющих получать периодический избыток продуктов, является умение запасать их впрок. К примеру, индейцы Северо-Западной Америки запасали на зиму до тысячи лососей на семью, нивхи — до 3840, более 400 рыб на каждого члена семьи и около 2 тыс. на корм собакам [Кабо, 1986, с. 58].

Тем не менее с позиций доминанты рыболовства сосновоостровские материалы никогда не рассматривались, хотя уже сама топография поселений, расположенных в местах перспективных для массового лова рыбы (озерные переиры, приустьевые мысы), склоняет к этому. Приоритет охоты аргументирован только отсутствием грузил и результатами анализа каменного инвентаря, кстати, довольно неоднозначными. Неоднозначными их делает обилие и разнообразие орудий для обработки дерева с большой степенью износа, которые могли быть использованы в том числе при сооружении рыболовных приспособлений. Нельзя не отметить также, что в аналитическом поле совсем не учитывалась утраченная часть орудийного комплекса, выполненная из органических материалов. Современные представления об ассортименте изделий из кости и рога у населения эпохи неолита Западной Сибири позволяют вернуться к обсуждению вопроса приоритетов хозяйственно-промысловой деятельности сосновоостровского населения. Для примера, на пос. Мергень 6, расположенном в сходной топографической позиции в Приишимье, в органической части инвентаря наряду с охотничьим инструментом отмечены находки гарпунов, крючков, жерлиц, игл для вязания сетей, а также костей и чешуи рыб, которые свидетельствуют, что его население было не просто знакомо с рыболовством, но практиковало разные его виды как индивидуальные, так и коллективные [Еньшин, Скочина, 2018, с. 12, 14].

Косвенно о знакомстве местного населения с коллективным рыболовством как минимум с раннего неолита свидетельствуют данные сопредельных и более удаленных территорий. Упомянутое пос. Мергень 6 серией радиоуглеродных и AMS-дат датировано концом VII тыс. до н.э.: 6095–6060 cal BC [Еньшин, Скочина, 1918, с. 6]. На Урале грузило от сетей найдено на Береговой 2 стоянке в среднем мезолитическом слое, который датирован серией дат интервалом 8200–7500 cal BC [Zhilin et al., 2014]. В Восточной Европе становление рыболовства как отрасли хозяйства связывают с мезолитом [Clark, 1961; Гурина, 1991; Ошибкина, 1997; Жилин, 2004; Буров, 2011; и др.], когда появляется сетевое рыболовство. Тогда же начинают фиксироваться, а в позднем мезолите — неолите получают широкое распространение плетеные ловушки типа верш и запоры [Clark, 1961; Буров, 2011; Римантене, 1991; Зализняк, 1991; Lozovski, 1996; Жилин, 2004]. При постановке запоров предпочтение отдавалось мелким рекам, протокам, местам слияния рек или впадения реки в озеро. Основная добыча — туводные рыбы: помимо щуки в разных стоянках существенную долю составляют окунь, лещ, линь, карась, сом [Жилин, 2004, с. 49–52]. В Сибири, по данным С.И. Эверестова, в мезолите происходили идентичные процессы: была изобретена сеть, появились ловушки стационарного типа и запоры [1988]. Таким образом, анализ выявленных закономерностей и эпохального хозяйственно-культурного окружения дает основание реконструировать хозяйственную модель сосновоостровского населения скорее как комплексное хозяйство с приоритетом оседлого рыболовства.

М.Ф. Косарев к продуктивным видам промысла, доступным неолитическому населению Западной Сибири, относил прежде всего озерное запорное рыболовство, которым занимаются в летний период, и, возможно, управляемые естественные и искусственные заморы на озерах и малых реках зимой [1991, с. 63–64]. Какой из видов продуктивного рыболовства преобладал у

Дом и домохозяйство у населения сосновоостровской культуры эпохи позднего неолита...

сосновоостровского населения, сказать однозначно пока не позволяет источниковая база. Возможно, одинаково активно использовались как сетевое, так и запорное рыболовство, хотя отсутствие грузил склоняет к последнему. О том, насколько широко развито в Сибири запорное рыболовство, свидетельствует многообразие видов запоров — до 200 [Салымский край, 2001, с. 100–104]. Наиболее простой запор прослежен у обских угров. Он представлял собой частую изгородь из хвороста поперек русла реки. Она заставляла рыбу в поисках прохода забираться в хворост и запутываться в нем [Васильев, 1962, с. 139]. Сравнительный этимологический анализ обско-угорских названий некоторых типов запорных заграждений по уральским языкам позволяет отнести появление запорного рыболовства ко времени финно-угорской общности [Там же, с. 142–143], что в современном исчислении соответствует как минимум VI тыс. до н.э. [Напольских, 2002].

Круглогодичный характер поселений сосновоостровской культуры подразумевает использование как летнего, нагульного, обеспеченного проточностью Андреевских и Тарманских озер, так и зимнего заморного рыболовства. Об использовании заморного способа лова могут свидетельствовать особенности местоположения ряда поселков — островное и на приустьевом мысу, ориентированном вниз по течению принимающей приток реки, что хорошо объясняется особенностями поведения рыбы в заморном водоеме. Начиная ощущать нехватку кислорода, рыба либо устремляется к живцам (родникам), либо стремится покинуть заморный водоток и течением прибывает к берегу ниже устья притока [Варпаховский, 1898, с. 10–11; Петров, 1986, с. 11; Косарев, 1991, с. 64]. О том, насколько широко явление замора было распространено в Приобье, куда входит и территория обитания сосновоостровской культуры, читаем у Н.А. Варпаховского: «Замирание» Оби («замор», «ржавец») наступает «в декабре или январе и выражается тем, что всё, живущее в этой великой сибирской реке, начинает погибать, и река вскоре становится совершенно безжизненной. ...срок наступления “замирания” Оби и степень его интенсивности различны в различные годы. На это оказывает влияние целый ряд факторов, как например, большая или меньшая суровость зимы, время начала ее, общее состояние предшествовавшей осени, степень разлития весенних вод и т.д. ... замирание Оби или, как говорят местные жители, появление “духа”, распространяется по течению реки Оби и притом постепенно сверху вниз. В притоках Оби, даже в низовых, замирание начинается одновременно, но вообще значительно раньше, чем в самой Оби...» [1898, с. 1–2]. Пытаясь спастись от замора, рыба массово устремляется туда, где заморные явления меньше или вовсе отсутствуют — низовья рек, «живуны», глубокие ямы и даже проруби. Места эти известны и по ходу рыбы устраиваются ловушки самых разных типов, при том, как правило, опять же с использованием заграждений. Эти последние выполняются, как правило, из дерева и, собственно, являются зимними запорами [Варпаховский, 1989]. Не только реки, но и практически все озера Тюменской, Челябинской, Курганской и Свердловской областей также подвержены заморным явлениям [Мухачев, 2010, с. 115]. Смягчить заморные явления озер и тем увеличить и сделать стабильной их рыбную продуктивность могла бы «высокая вода». Высокий гипсометрический уровень расположения поселков дает основание полагать, что скорее всего так оно и было в период существования сосновоостровской культуры, поскольку для рыболовов приоритетным является нахождение вблизи наиболее продуктивных угодий, в связи с чем они даже в наше время готовы терпеливо переносить затопление своих жилых построек в течение нескольких недель [Адаев, 2007, с. 96]. И хотя данными местных природных архивов это пока не подтверждено, на сопредельной территории Среднего Урала период климатического оптимума (7400–6300 cal BP), с которым соотносится время существования сосновоостровской культуры, описывается как теплый и достаточно влажный, с высоким уровнем воды в озерах [Масленникова и др., 2014].

О размерах возможных уловов дают представление этнографические сведения. Из среднего размера гимги («соровой») вынимали ежедневно до пуда рыбы [Варпаховский, 1898, с. 9]. А гимг могло быть несколько в запоре, так как протяженность запоров, которые могли перегораживать всю реку/протоку, а могли строиться на большем или меньшем расстоянии от берега, достигала десятков и даже сотен метров [Там же, с. 8, 19]. Значительные уловы обеспечивало и невожение зауральских озер. По данным В.А. Соловьева конца XIX в., эти озера «были настолько богаты рыбой, что тоня в 1 тысячу и даже 1200 пудов не составляла редкости» [1914, с. 68]. Высокая рыбная продуктивность Андреевских озер доказывается существованием действующей здесь по сей день промышленной рыболовецкой артели.

Запорный способ рыбной ловли трудозатратен, но высокоэффективен, обеспечивая стабильный достаток. Появление избыточного продукта стимулирует увеличение численности об-

щины и приводит к образованию больших домохозяйств — факт, неоднократно зафиксированный этнографами у оседлых рыбаков [Сазонов, Конькова, 1982; Головнев, 1995, с. 59; Лебедев, 1980, с. 82–85; Зуев, 1947, с. 29; Хлобыстин, 1998, с. 155; и т.д.]. По всей видимости, характерную для сосновоостровской культуры тенденцию возведения крупных домов следует объяснять именно этими обстоятельствами, а домовые коллективы воспринимать как один из вариантов домохозяйства, наиболее адаптированный к местным условиям.

Хозяйственно-культурный тип (ХКТ) сосновоостровского населения наиболее близок глубинно-таежному и приречно-таежному хозяйственным комплексам (ХК) по А.В. Головневу [1995, с. 47–48], однако не вполне соответствует им. Ведущей отраслью глубинно-таежного ХК являлся промысел крупных копытных, а в приречно-таежном, локализованном в припойменных районах Оби и Иртыша, рыболовство, помимо охоты и собирательства дополнялось еще транспортным собаководством и коневодством. На взгляд автора статьи, хозяйственный уклад сосновоостровской культуры наиболее близок тому, который М.Ф. Косарев называл оседлорыболовческим [1991, с. 68–71].

Заключение

Информативные возможности жилища при подходе к нему с позиций структурной ячейки социально-экономических отношений (института домохозяйства), рассмотренных в контексте природно-климатического фона и конкретике фактического материала (количество и распределение находок, особенности орудийного набора, размеры и характер построек и т.д.), очень высоки. Они позволяют не только охарактеризовать размеры домовых коллективов, но и соотносить их с вероятными формами хозяйствования и образом жизни, адаптированными к местной природной среде. В результате появляется возможность не только провести моделирование социально-экономических отношений в масштабах одной отдельно взятой культуры, но и заложить основы для построения моделей соответствующих адаптационных стратегий у разных неолитических сообществ.

Для примера была рассмотрена сосновоостровская культура. В результате проведенного исследования, направленного на выявление и анализ закономерностей в размерах жилищ, их расположении и функционировании, удалось установить устойчивую связь размера жилища с хозяйственной стратегией населения. Стандартно большие жилища позволили соотнести домовую коллектив сосновоостровской культуры с большой (расширенной) семьей и охарактеризовать его как крупное домохозяйство, ориентированное на определенную хозяйственную стратегию. Моделирование ситуации выводит в качестве приоритетного вида деятельности на высокопродуктивное рыболовство, которое с большой степенью вероятности можно сопоставить с запорным рыболовством. Высокая продуктивность запорного рыболовства явилась основой оседлого образа жизни, наличие которого отчетливо прочитывается в материалах культуры. Максимально высокий в неолите Зауралья уровень расположения жилищ позволяет заключить, что выработка такой хозяйственной стратегии явилась адаптивной реакцией на изменение окружающей среды в сторону гумидности.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400147-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адаев В.Н.* Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 239 с.
- Алексашенко Н.А.* Каменный инвентарь стоянки Сосновый Остров // Вопросы археологии Приобья. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1979. Вып. 2. С. 29–50.
- Алексашенко Н.А., Викторова В.Д.* Неолитические жилища ЮАО V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 161–183.
- Асташкин В.И.* Орнаментальные традиции и некоторые проблемы культурной эволюции в неолите Зауралья // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб.: ИИМК, 1993. Ч. II. С. 54–59.
- Бузин В.С.* Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции // СА. 1990. № 3. С. 32–43.
- Буров Г.М.* Нео-энеолитические полуземлянки Крайнего Северо-Востока Европы в аспекте социальной организации его древнего населения // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 23–40.
- Буров Г.М.* Рыбная ловля в эпоху мезолита на Европейском Севере России // РА. 2011. № 2. С. 5–15.
- Варлаховский Н.А.* Рыболовство в бассейне реки Оби: В 2 ч. Ч. I: Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла. СПб., 1898. 149 с.

Дом и домохозяйство у населения сосновоостровской культуры эпохи позднего неолита...

- Васильев В.И.* Проблемы происхождения орудий заповорного рыболовства обских угров // ТИЭ. 1962. Т. 78. С. 137–152.
- Викторова В.Д.* Сосновый Остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968. № 4. С. 161–172.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Гурина Н.Н.* Некоторые общие вопросы изучения древнего рыболовства и морского промысла на территории СССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. С. 5–24.
- Дрябина Л.А., Захарчук С.Н.* Поселение ЮАО XVI // Тюменский исторический сборник. Тюмень: ТюмГУ, 1999. Вып. 3. С. 92–102.
- Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю.* Поселение Гилево VIII // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 100–111.
- Дрябина Л.А., Хухорова Н.В.* Динамика развития неолитического поселения на XV участке Андреевского озера // Словцовские чтения — 2001: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. С. 88–90.
- Еньшин Д.Н.* Неолитические жилища поселений озера Мергенъ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н.* Промыслово-хозяйственная деятельность раннеолитического населения оз. Мергенъ как стратегия адаптации к окружающей среде (по материалам поселения Мергенъ 6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 14–23.
- Жилин М.Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia, 2004. 144 с.
- Зализняк Л.Л.* Население Полесья в мезолите. Киев: Наук. думка, 1991. 160 с.
- Зах В.А.* Боборыкинский комплекс поселения Юртобор III в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 12–28.
- Зах В.А., Матвеева Н.П.* Поселение «8-й пункт» на Андреевском озере: (О соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 3–8.
- Зах В.А., Усачева И.В., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Чикунова И.Ю.* Древности Андреевской озерной системы: В 2 т. Т. 1: Археологические памятники. Новосибирск: Наука, 2014. 225 с.
- Зуев В.Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 96 с.
- Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 303 с. URL: http://aboriginals.narod.ru/primitive_preagricultural_community.htm (дата обращения: 20.09.2015).
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.* Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. 183 с.
- Ковалева В.Т.* Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.
- Кольцов Л.В.* О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) // СА. 1985. № 3. С. 25–36.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.
- Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Косинская Л.Л.* Мезолит — ранняя бронза бассейна Нижней Вычегды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. 19 с.
- Косинская Л.Л.* Взгляд археолога на западно-сибирскую этнографию: Некоторые аспекты археологических реконструкций // Твер. археол. сборник. Тверь: Триада, 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 19–25.
- Лебедев В.В.* Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX в. // СЭ. 1980. № 2. С. 82–91.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976. 192 с.
- Масленникова А.В., Удачин В.Н., Дерягин В.В.* Палеэкология и геохимия озерной седиментации голоцена Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2014. 135 с.
- Мухачев И.С.* Направления эколого-рыбохозяйственной реабилитации озер Зауралья // Вестник ТюмГУ. 2010. № 7. С. 114–122.
- Напольских В.В.* Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 1: Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. С. 195–203.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья: (Эпоха камня и бронзы). Йошкар-Ола, 2002. 162 с. (Труды Марийской археологической экспедиции; Т. VII).
- Очерки культуругенеза народов Западной Сибири.* Т. 1. Кн. 1: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 485 с.
- Ошибкина С.В.* Веретье I: Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.
- Панфилов А.Н.* Многослойное поселение Серебрянка I в Нижнем Приишимье: Итоги полевых исследований. Препринт. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 80 с.
- Петров А.И.* Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1986. 23 с.

Поселение Быстрый Кульёган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Коллект. монография под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. 192 с.

Римантене Р.К. Озерное рыболовство и морская охота в каменном веке Литвы // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. С. 65–86.

Сазонов Г.К., Конькова А.М. И лун медлительных поток...: Роман-сказание. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 256 с.

Салымский край. Екатеринбург: Тезис, 2000. 341 с.

Сидоров В.В. Методы оценки численности населения лесной зоны в неолите // Человек, адаптация, культура. М.: ИА РАН, 2008. С. 139–146.

Соловьев В.А. Зауральская рыболовная станция на озере Аракуль // Зап. Уральского о-ва любителей естествознания. Екатеринбург, 1914. Т. XXXIV. Вып. 4. С. 68.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.

Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Притоболья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС, 2001, С. 116–133.

Усачева И.В. Дом и домохозяйство в каменном веке Зауралья и Севера Западной Сибири: Возможности социально-экономической реконструкции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 73–79.

Усачева И.В. Неолитическое жилище лесной зоны Зауралья и Северо-Западной Сибири: Подходы к социально-экономической реконструкции // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всерос. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 187–190.

Усачева И.В. Сосновоостровская культура: Идентификация керамики и вопросы хронологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 5–17.

Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972. С. 26–42.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб.: ДБ, 1998. 342 с.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири: Каменный век. Новосибирск: Наука, 1988. 143 с.

Юдина Е.А. Структура жилого пространства как основа для социореконструкции (по материалам неолитического поселения Быстрый Кульёган 66) // Материалы XXXVII УПАК. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. С. 240.

Binford L. Post-Pleistocene Adaptation // New Perspectives in Archaeology. N. Y.: Aldine, 1968. P. 313–341.

Clark J.G.D. Prehistoric Europe: The Economic Basis. L.: World Prehistory, 1961. 349 p.

Lozovski V.M. Zamostje 2. Treignes: Editions du CEDARC, 1996. 96 p.

Zhilin M.G., Savchenko S.N., Nikulina E.A., Schmölcke U., Hartz S., Terberger T. Eleven bone arrowheads and a dog coprolite — the Mesolithic site of Beregovaya 2, Urals region (Russia) // Quartär. 2014. № 61. P. 165–187. DOI: 10.7485/QU61_10.

I.V. Usacheva

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: i.usachova@gmail.com

DWELLINGS AND HOUSEHOLDS OF THE LATE NEOLITHIC SOSNOVY OSTROV CULTURE IN THE TRANS-URALS: A MODEL OF ECONOMIC ACTIVITIES

In this work, the author set out to test the procedure for studying the size of dwellings from the perspective of the household using the Sosnovy Ostrov culture of the Late Neolithic as an example. This implies considering the house collective as being maximally adapted to local environmental conditions and as being optimal in size for the implementation of a specific type of economic activity associated with the household. The study covers the southern taiga zone of the Tobol basin area (the border region between the Urals and Western Siberia) in the first half of 5th millennium Cal BC. In the course of the systematic source analysis, the author employed the methods commonly used in natural science, geography and the humanities: topographic, hypsometric, planigraphic, comparative ethnographic, etc. It was found that the dwellings of the Sosnovy Ostrov culture were large in sizes (60–125 m²) as compared to the dwellings of other Neolithic cultures in the Trans-Urals. In addition, a pattern in the location of villages relative to the water network was shown. They are situated close to lake isthmuses and well-head capes (located downstream of a tributary mouth). The analysis of settlements revealed in-depth long-term dwellings, as well as light structures and utility pits located inside and outside of dwellings. This fact, along with

Дом и домохозяйство у населения сосновоостровской культуры эпохи позднего неолита...

the material distribution, suggests the sedentary lifestyle of the population. A settled way of life in the context of appropriating economy is possible only if the population possess a highly productive skill. The modelling of the situation, drawing on the ethnographic data available for these territories, indicates that the population was engaged in weir fishing. This conclusion is consistent with paleoclimatic reconstructions and the topography of the settlements. In addition, it is indirectly confirmed by a large number of woodworking tools in the stone inventory. The construction and maintenance of a weir require the coordinated work of a large team, which correlates with the size of the Sosnovy Ostrov dwellings. The presence of a common hearth in the dwellings suggests that the Sosnovy Ostrov households were built on the principles of undivided authority and existed in the form of large (extended) families. The study results indicate a high informative potential of a dwelling when considered from the perspective of a household adapted to the specific conditions.

Key words: the Neolithic, Trans-Urals, Sosnovy Ostrov culture, dwelling, household, productive fishing, sedentary life.

Funding. The article is written within the framework of the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2.

REFERENCES

- Adaev V.N. (2007). *Traditional ecological culture of the Khanty and the Nenets*. Tyumen: Vektor Buk. (Rus.).
- Aleksashenko N.A. (1979). The stone inventory of the stay Sosnovyi Ostrov. *Voprosy arkheologii Priob'ia*, (2), 29–50. (Rus.).
- Aleksashenko N.A., Viktorova V.D. (1991). luAO V Neolithic dwellings. In: *The Neolithic sites of the Urals* (pp. 161–183). Sverdlovsk: UrO AN SSSR. (Rus.).
- Astashkin V.I. (1993). Ornamental traditions and some problems of cultural evolution in the Neolithic of the Trans-Urals. In: *Problemy kul'turogeneza i kul'turnoe nasledie*, (2) (pp. 54–59). St. Petersburg: IIMK. (Rus.).
- Binford L. (1968). Post-Pleistocene Adaptation. In: *New Perspectives in Archaeology* (pp. 313–341). New York: Aldine.
- Burov G.M. (1993). Neo-Eneolithic semi-dugouts of the Far North-East of Europe in the aspect of social organization of its ancient population. *Voprosy arkheologii Urala*, (21), 23–40. (Rus.).
- Burov G.M. (2011). Fishing in the Mesolithic in the European North of Russia. *Rossiiskaia arkheologiya*, (2), 5–11. (Rus.).
- Buzin V.S. (1990). Settlements and dwellings of Volosov culture as a source of sociological reconstruction. *Sovetskaia arkheologiya*, (3), 32–43. (Rus.).
- Clark J.G.D. (1961). *Prehistoric Europe: The Economic Basis*. London: World Prehistory.
- Driabina L.A., Khukhorova N.V. (2001). The dynamics of the development of Neolithic settlement at the XV plot of Andreevsky lake. In: *Slovtsovskie chteniya — 2001* (pp. 88–90). Tiumen': Izd-vo Tiumenskogo gosuniversiteta. (Rus.).
- Driabina L.A., Parkhimovich S.Iu. (1991). The settlement Gilevo VIII. In: *Neoliticheskie pamiatniki Urala* (pp. 100–111). Sverdlovsk: UrO AN SSSR. (Rus.).
- Driabina L.A., Zakharchuk S.N. (1999). The settlement luAO XVI. *Tiumenskii istoricheskii sbornik*, (3), 92–102. (Rus.).
- Everstov S.I. (1988). *Fishing in Siberia: The Stone Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Golovnev A.V. (1995). *Speaking cultures: Samoyeds and Ugrian traditions*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Gurina N.N. (1991). Some General questions of the study of ancient Fishery and Deep Sea Fishing on the territory of the USSR. In: *Rybolovstvo i morskoi promysel v epokhu mezolita — rannego metalla v lesnoi i lesostepnoi zone Vostochnoi Evropy* (pp. 5–24). Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Iudina E.A. (2005). The structure of the dwelling space as fundamental for socio-reconstruction (on materials of the Neolithic settlement Bystry Kulyogan 66). In: *Materialy XXXVII UPASK* (p. 240). Cheliabinsk: Izd-vo ChGPU. (Rus.).
- Kabo V.R. (1986). *Prehistoric Pre-Agricultural Society*. Moscow: Nauka. (Rus.). Retrieved from: http://aboriginals.narod.ru/primitive_preagricultural_community.htm.
- Khlobystin L.P. (1972). Problems of sociology Neolithic of Northern Eurasia. In: *Okhotniki, sobirатели, rybolovy* (pp. 26–42). Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Khlobystin L.P. (1998). *Ancient history of Arctic Taimyr and Questions of Forming Cultures in North Eurasia*. St. Petersburg: DB. (Rus.).
- Kiriushin Iu.F., Maloletko A.M. (1979). *The Bronze Age in Vasiugan*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Koltsov L.V. (1985). On the seasonal differentiation of Mesolithic sites (according to the materials of the Volga-Oka interfluvium). *Sovetskaia arkheologiya*, (3), 25–36. (Rus.).
- Kosarev M.F. (1981). *The Bronze Age in Western Siberia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kosarev M.F. (1991). *Ancient history of Western Siberia: Human and environment*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kosinskaia L.L. (1988). *The Mesolithic — The Early Bronze of the lower Vychehga basin*: Thesis, for the degree of PhD. Leningrad. (Rus.).
- Kosinskaia L.L. (2006). The view of the archaeologist on the West Siberian Ethnography: Some aspects of archaeological reconstructions. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, 6(1), 19–25. (Rus.).

- Kosinskaia L.L., Trufanov A.Ia. (Eds.). (2006). *Settlement Bystry Kulyogan 66: Site of the Neolithic in the Surgut Priobye*. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe izd-vo. (Rus.).
- Kovaleva V.T. (1989). *The Neolithic of the Middle Trans-Urals*. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU. (Rus.).
- Lebedev V.V. (1980). Family and production team from the population of the sub-tundra strip of North-West Turukhansk territory in the 19th century. *Sovetskaia etnografiia*, (2), 82–91. (Rus.).
- Lozovski V.M. (1996). *Zamostje 2*. Treignes: Editions du CEDARC.
- Lukina N.V. (Ed.) (1994). *Sketches on Cultural Genesis of the Western Siberian Peoples. Vol. 1. B. 1: Settlements and Dwellings*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Maslennikova A.V., Udachin V.N., Deriagin V.V. (2014). *Paleoecology and Geochemistry of lacustrine sedimentation in the Holocene of the Ural*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Masson V.M. (1976). *Economy & social structure of ancient communities in the light of archaeological data*. Leningrad. Nauka. (Rus.).
- Mukhachev I.S. (2010). Directions of ecological and fishery rehabilitation of Trans-Urals lakes. *Vestnik TiiumGU*, (7), 114–122. (Rus.).
- Napol'skikh V.V. (2002). Background of the Uralic language family. In: S.G. Kliashorny (Ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen: V 7 t. T. 1: Narody stepnoi Evrazii v drevnosti*. Kazan: Rukhiiat. (Rus.).
- Nikitin V.V., Solov'ev B.S. (2002). *Settlements and Dwellings of the Mari Volga Region: Stone and Bronze Ages*. Yoshkar-Ola. (Rus.).
- Oshibkina S.V. (1997). *Veretye I: A Mesolithic Settlement in the North of Eastern Europe*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Panfilov A.N. (1993). *A multi-layered settlement Serebryanka I in the Low Ishim region: Results of field research*. Tiiumen: IPOS SO RAN. (Rus.).
- Petrov A.I. (1986). *Late Neolithic and Early Bronze age in the Middle Irtysh region*. Thesis, for the degree of PhD. Kemerovo. (Rus.).
- Rimantene R.K. (1991). Lake fishing and sea hunting in the stone age of Lithuania. In: *Rybolovstvo i morskoj promysel v epokhu mezolita — rannego metalla v lesnoi i lesostepnoi zone Vostochnoi Evropy* (pp. 65–86). Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Sazonov G.K., Kon'kova A.M. (1982). *And moons the slow flow: Novel-legend*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo. (Rus.).
- Sidorov V.V. (2008). Methods of estimating the population of the forest zone in the Neolithic. In: *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura* (pp. 139–146). Moscow: IA RAN. (Rus.).
- Solov'ev V.A. (1914). The Trans-Urals fish breeding station at the lake Arakul. *Zapiski Ural'skogo obshchestva liubitelei estestvoznaniia*, 34 (4), 1–68. (Rus.).
- Starkov V.F. (1980). *Mesolithic and Neolithic of Trans-Urals Forest Zone*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Stefanov V.I. (1991). The Neolithic settlement Duvanskoe V. In: *Neoliticheskie pamiatniki Urala* (pp. 144–160). Sverdlovsk: UrO AN SSSR. (Rus.).
- Usacheva I.V. (2001). The stratigraphic position of the types of Neolithic ceramics of the settlement «VIII punkt» on the Andreevsky lake and some general questions of the Neolithic of Tobol region. In: *Problemy izucheniia neolita Zapadnoi Sibiri* (pp. 116–133). Tiiumen: IPOS. (Rus.).
- Usacheva I.V. (2014). House and household in the stone age of the TRANS-Urals and the North of Western Siberia: The possibility of socio-economic reconstruction. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 73–79. (Rus.).
- Usacheva I.V. (2015). Neolithic dwelling of the forest zone of the TRANS-Urals and North-Western Siberia: Approaches to socio-economic reconstruction. In: *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi konferentsii*, (3), 187–190. Tiiumen': Izd-vo IPOS SO RAN. (Rus.).
- Usacheva I.V. (2016). Sosnovostrovskaya culture: Identification of ceramics and the issues of chronology. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 5–17. (Rus.).
- Varpakhovskii N.A. (1898). *Fishing in the Ob river basin: Part I. Fishing tools and fishery products*. St. Petersburg. (Rus.).
- Vasil'ev V.I. (1962) Problems of the origin of fishing weir tools of the Ob Ugrians. *Trudy Instituta etnografii*, (78), 137–152. (Rus.).
- Viktorova V.D. (1968). Sosnovyi Ostrov is the Neolithic and bronze age site of Middle Trans-Urals. *Sovetskaia arkheologiya*, (4), 161–172. (Rus.).
- Vizgalov G.P. (Ed.). (2000). *Salym region*. Ekaterinburg: Tezis. (Rus.).
- Yen'shin D.N. (2014). Neolithic dwellings from settlements of the Mergen' lake. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 14–23. (Rus.).
- Yen'shin D.N., Skochina S.N. (2018). Economic activity of the Early Neolithic population having resided around lake Mergen as a strategy of adaptation to the environment (based on the materials of the Mergen 6 settlement). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 42 (3), 14–23. (Rus.).
- Zakh V.A. (1995). A Boborikino complex of the settlement Iurtobor 3 in the Lower Tobol basin. In: *Drevniaia i sovremennaia kul'tura narodov Zapadnoi Sibiri* (pp. 12–28). Tiiumen': Tiiumenskii gosuniversitet. (Rus.).

Дом и домохозяйство у населения сосновоостровской культуры эпохи позднего неолита...

Zakh V.A., Matveeva N.P. (1997). The settlement «8 punkt» at the Andreevsky lake: (On the correlation of pottery with a variety of ornamental traditions of the Neolithic in the Tobol river area). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 3–8. (Rus.).

Zakh V.A., Usacheva I.V., Zimina O.Yu., Skochina S.N., Chikunova I.Yu. (2014). *Antiquities of the Andreevsky lake system: In 2 vol. Vol. 1: Archaeological sites*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zalizniak L.L. (1991). *Population of Polesye in Mesolithic*. Kiev: Naukova dumka. (Rus.).

Zhilin M.G. (2004). *The Environment and Economy of the Mesolithic Population of the Center and Northwest of the Forest Zone of Eastern Europe*. Moscow: Academia. (Rus.).

Zhilin M.G., Savchenko S.N., Nikulina E.A., Schmölcke U., Hartz S., Terberger T. (2014). Eleven bone arrowheads and a dog coprolite — the Mesolithic site of Beregovaya 2, Urals region (Russia). *Quartär*, (61), 165–187. DOI: 10.7485/QU61_10.

Zuev V.F. (1947). Materials on the ethnography of Siberia of the 18th century (1771–1772). *Trudy Instituta etnografii*, (5). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 16.09.2019

Accepted: 30.09.2019

Article is published: 30.12.2019